

A woman and a man in white lab coats are standing in a hospital hallway. The woman is in the foreground, looking directly at the camera. The man is behind her, with his hand on her shoulder, also looking at the camera. The background shows a brightly lit hallway with windows.

Наталия Королева

**Анатомия
чувств**

Наталия Королева

Анатомия чувств

«Автор»

2026

Королева Н.

Анатомия чувств / Н. Королева — «Автор», 2026

В центре повествования — история выдающегося хирурга Курта Блэйд, человека, привыкшего держать эмоции под строгим контролем. Его жизнь — это череда безупречных операций и холодных профессиональных решений, пока он не встречает Катрин Холт. История исследует темы профессионального долга, эмоциональной уязвимости и силы искреннего сострадания. Это история о том, как встреча с настоящим человеком может изменить даже самого закоренелого циника, и о том, что иногда самые сложные операции нужно проводить не скальпелем, а сердцем.

© Королева Н., 2026

© Автор, 2026

Наталья Королева

Анатомия чувств

Звук кардиомонитора был для Курта Брайта единственной музыкой, которую он готов был слушать круглосуточно. Ровный, метрономный бит здорового сердца. Никаких пауз, никаких сбоев, никаких лишних нот.

– Сосудистый зажим, – произнес он, не поднимая глаз. Голос был спокойным, лишенным каких-либо эмоций. Рука сомкнулась вокруг металла с привычной уверенностью.

Он был хирургом с большой буквы. Бессмысленное понятие для большинства людей – «чудо» – для него было лишь результатом четкого расчета и отсутствия жалости. Сердце – это насос. Ничего больше. Оно не любит, не страдает и не мечтает. Оно просто работает. И только когда оно останавливается, человек исчезает.

Курт ненавидел непредсказуемость. А люди были самыми непредсказуемыми организмами во Вселенной.

– Скорая клипса, – голос прозвучал чуть тише, но уверенно. Это был голос девушки, которая начала работать здесь три дня назад.

Курт не хотел, но все же поднял взгляд. В операционной он всегда контролировал все и всех. И когда его взгляд встретился с ее глазами – глубокими, карего цвета, полными испуга и решимости одновременно – ритм его собственного сердца дал сбой.

Это длилось всего секунду. Катрин подала инструмент, точно в нужный момент. Его пальцы коснулись её перчаток.

И в этот момент, посреди стерильной тишины операционной, где царила только логика и наука, Курт почувствовал страх. Иррациональный, леденящий душу страх. Он вдруг понял, что лед, в который он упаковал себя годами, начал таять. Не за счет жары приборов, а из-за тепла, которое исходило от этой крошечной женщины в синей одежде.

«Опасно», – пронеслось у него в голове. «Ошибка», – подсказал холодный разум.

Но когда операция закончилась и он снял маску, увидев, как она облегченно вздохнула в углу, Курт осознал страшную правду: он не только хочет снова увидеть её. Он нуждается в этом. А это было худшим из преступлений для человека, который клялся, что сердце не способно чувствовать.

Он посмотрел на свои руки – дрожали ли они? Нет. Только отдыхали. Но внутри, где-то в груди, что-то шевелилось, пробуждаясь от спячки.

И Катрин, кажется, почувствовала это тоже. Потому что она смотрела на него так, будто видела не знаменитого хирурга Брайта, а самого его. Всего его. И это пугало его больше, чем самая сложная операция.

Словно «день сурка», подумал Курт, глядя, как вода смывает с рук мыльную пену. Ритм жизни в больнице Святого Матфея был предсказуем: катастрофа, кризис, восстановление и повторение. И он был хореографом этого смертельного танца.

Он поправил воротник халата, отрываясь от зеркала, в котором отражалось его собственное лицо – бледное, уставшее, идеально бесстрастное. Врачи из других отделений уважали его. Стажеры боялись. Медсестры вздыхали ему в спину, зная, что это бесполезно. Курт Брайт был неприступной крепостью.

И уже через минуту эта крепость получила первую, пусть и крошечную, трещину.

В смотровую вошла она. Катрин Холт. Она неслышно ступала по линолеуму, держа под мышкой папку с историями болезней. На ней был тот же белоснежный халат, что и на всех остальных, но выглядела она в нем как-то иначе. Более... стильно.

– Операция прошла успешно, – сказала она, не поднимая глаз. Голос у нее был тихий, с легкой хрипотцой, что заставляло прислушиваться. – Болезнь пациента была запущенной, но мы справились.

Курт медленно повернулся к ней.

– Мы? – переспросил он, наслаждаясь тем, как одно это слово звучит в его устах сардонически. – Не вводите себя в заблуждение, мисс Холт. Аортокоронарное шунтирование провел я. Вы просто подавали инструменты. И, кстати, вы делали это с задержкой в полсекунды на пятой минуте.

Катрин подняла глаза. В глубине её зрачков плескалось возмущение, но она подавила его.

– Я ждала, пока пульс стабилизируется, доктор. Если бы я подала зажим раньше, мог бы образоваться тромб.

Курт подошел ближе. Он привык к личному пространству, использовал его как оружие. Сейчас он вторгся в её зону комфорта, заставляя её сделать шаг назад.

– В операционной нет места "может быть", – прохладно произнес он. – Есть факты. И факт в том, что вы не уверены в себе. Неуверенность убивает быстрее, чем любой вирус. Пожалуйста, завтра не опаздывайте на обход. В 6:00.

Он развернулся и вышел, оставив её стоять посреди коридора. Но, уходя, он почувствовал нелепое желание обернуться. Это была дерзкая мысль, нарушающая его протокол безопасности. Он подавил её, как подавлял любой приступ симпатии.

Утро следующего дня встретило их запахом вареного кофе и дезинфектора. Палата номер 302. Пациент – старик с обширным инфарктом, который перенес операцию три дня назад.

Курт вошел первым, как и полагалось командиру. Он открыл историю болезни, скользнув взглядом по графикам.

– Давление в норме, креатинин упал. План на сегодня: начать физиотерапию. Все, на сегодня все.

Папку на тумбочку. Эффективно. Без эмоций.

– Доктор Брайт?

Курт обернулся. Катрин стояла в дверях, держа в руках не iPad с анализами, а... книгу. Тонкую, потрепанную книжицу с мягкой обложкой.

– Я думала, мистер Хендерсон мог бы отвлечься, – она вошла в палату, ее движения были плавными, не такими резкими, как у него. – Он говорил, что скучает по своим внукам. Я принесла ему альбом с фотографиями городского парка.

Сидящий на кровати страдалец оживился. Его слабые руки потянулись к книге так, словно она была лекарством от всех болезней на свете.

Курт почувствовал, как на лбу выступают холодные капельки пота. Это было непрофессионально. Это было глупо. Фотоальбомы не лечат сердце.

– Мисс Холт, – его голос понизился до ледяного шепота. – Комната для посетителей находится на первом этаже. Здесь мы лечим органы, а не душевные терзания.

Старик, мистер Хендерсон, удивленно посмотрел на хирурга.

– Но мне так легче, доктор, — произнес он. – Посмотрите, какие деревья...

– Деревья не входят в протокол восстановления после кардиохирургических операций – отрезал Курт, но тут же переключился обратно. – Мисс Холт, – это не для нашего отдела. Уберите.

Он жестом указал на дверь. Катрин сжала губы. Её плечи поползли вверх, она выглядела так, будто хочет защитить пациента от самого спасителя. Но она кивнула и поставила альбом на тумбочку, не отдавая старику.

– Да, доктор, – тихо сказала она.

Они вышли в коридор. Дверь палаты захлопнулась за ними.

– Вы превратили мою клинику в чулан для пенсионеров с их сборниками стихов.– Вы здесь работаете или ведите кружок с танцами? В следующий раз возьмете с собой гитару?

Курт шел быстрым шагом, но Катрин, к его удивлению, не отстала. Её кеды стучали по полу в ритме его шагов.

– Я работаю, доктор! – она стремительно догнала его у лифта и решительно придержала двери рукой, не давая им закрыться.

Её голос звужал твёрдо и уверенно, в глазах читалась решимость отстаивать свою позицию.

– И я действительно работаю! – продолжила она, глядя ему прямо в глаза. – Работаю над тем, чтобы наш пациент не погиб от депрессии. А вы знаете, что депрессия порой убивает не менее эффективно, чем инфаркт?

Она сделала паузу, давая ему возможность осознать сказанное, и продолжила:

– У пациента сложная схема лечения: антидепрессанты в сочетании с бета-блокаторами. И я внимательно слежу за тем, как они взаимодействуют, как влияют на его состояние.

В её словах звучала не просто профессиональная гордость, а настоящая преданность своему делу. Она была готова отстаивать важность своей работы, понимая, что каждый аспект лечения пациента имеет значение.

– Мы не можем пренебрегать ни одним аспектом лечения, – мягко, но настойчиво добавила она. – Особенно когда речь идёт о жизни человека.

Её ладонь всё ещё удерживала двери лифта, символизируя готовность продолжать этот важный разговор до тех пор, пока её точка зрения не будет услышана.

Лифт бесшумно остановился на верхнем этаже, открывая двери в крыло VIP-отделений. Это был совсем другой мир по сравнению с остальной частью больницы – здесь царила особая атмосфера роскоши и спокойствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.